

Автобіографія вoplеницы Настасьи Степановны Богдановой.

Мни тiперь 55-й годъ; когда родилась на свѣтъ того не помню. По маминымъ разговорамъ, родилась я не дома (въ д. Зиновьевой, Сѣногубскаго прихода, Петрозав. уѣзда). Симейство было у насъ большое—20 душъ; жило вмѣстѣ пять братьевъ съ жонами и съ дитямы. Мою маму никто въ семействѣ не любили. Дѣдушко у насъ былъ вдовъ и былъ маленько помѣшавши съ

разума и очинно злой. Потомъ старикъ глупой сталъ по биседамъ ѣздить, плясать, скакать, затѣялъ женище. Сыновѣ унимали да унять нельзя было. Сваталъ, сваталъ, никто не шелъ, потомъ съѣхалъ онъ далеко, этуды въ Песчаню (Пудож. у.), тамъ наплась невѣста, молода вдовка. Невѣста сказала: «хоть старой, да житель справной; пойду замужъ». И пошла. Вдовки было 25 лѣтъ жениху было 60 лѣтъ. Привезъ онъ сибѣ съ Песчаново княгину демой; повинчались въ Кижяхъ у Спаса. И стали жить помаленьку, а тутъ ужъ подростать стала. Житье было справно: у насъ, было 8 коровъ, 5 лошадей, мелкого скота по цѣлой хлѣвушки и была мельница своя, всяки ловушки свои, поля хороши, хлѣба много выросло и въ лѣсахъ еще принаживали. А жили мы въ деревнюшки Зиновьевой, отъ Конды двѣ версты. Было тогда 2 дому и то съ одного семейства, а теперѣ 6 распоселилось. У моей мамы дѣти были частыи. Миня маленьку стали заставлятъ дитей смотрѣть: въ лѣсѣ уйдуть, двѣ люльки оставятъ качать. Робята расплачуцѣ и я съ нима, потому—была маленька, пѣстуней не нанимали. Только я росла бойкая: кто въ семействѣ куды пошлетъ—вездѣ пошла и дѣло все справила и такъ была бѣлка, така смѣлая—передъ робятами выставляюся: выпялюсь на крышу и въ дерево и въ черемху—на Онего смотрѣть, какъ суда ѣдутъ—пароходовъ то тогда не было.

У насъ тата изъ всѣхъ въ семействѣ былъ бойкой: день работаетъ, ночь на ловли. Наловятъ, насолятъ всякой рыбы. И была у насъ сойма свѣя. Дѣдушка у насъ ѣздилъ къ Вознесенью прасолить—рыбой торговать; и скота тоже возилъ продавать вдовоемъ съ дядей-подросткомъ. Послѣдній разъ поѣхалъ какъ-то съ Покрова отъ Вознесенья. Погода была несносна, и бросило и разбило сойму о костливы, каменны берега у Василистина острова; вещи и деньги потонули и самъ дѣдъ съ доской одва на островъ попалъ. На острову дѣдъ жилъ 9 день голодной, потомъ дали намъ съ Петрозаводскаго вѣдомъ, что проѣждящи соймы видели дѣда на острову. Мы и привезли его домой. Больше дѣдъ и не торговалъ. А бывало дѣдушка ѣздить-ѣздить лѣто, торгуетъ-торгуетъ,—къ осени ни одной копѣйки не окажетъ. Привезетъ отъ Вознесенья гостинецъ всякихъ: всего; намъ не дастъ не по кусочку. Насъ робятъ выгонять на улицу, самы будутъ чай пить. Други не смѣютъ, а я была смѣлая—скачу на одной ножкѣ съ ребенкомъ по выходамъ да прошу кусочка (чаю то намъ не давали до возраста). Дѣдушко выскочилъ, погнался за мной. Я съ выходъ напрямикъ съ ребенкомъ скачила, голову о камень проломила. И такихъ «разовъ» было безъ счету разъ. И каждой день миня за бойкость за провинность колотили.

Бабушка—та наша не на работу не идетъ, ни хозяйства не видитъ и старика дѣдка не залюбила. Стала она мужичковъ приваживать въ гости. какъ лѣтомъ вси на работу уйдуть. Стали наши грѣшнице, дѣдушко то насъ, то другого дядю выгонитъ на подворье и люльки съ сѣней выкинетъ на улицу. Придутъ тата съ мамой съ работы—и хлѣба нѣтъ. Пошлютъ миня просить: «Подѣ, Настя, проси хлѣба да молока у бабки». Я была смѣлая; зайду по ѣзду и по сараю, приду въ сѣни, подкаравлю бабку. И не родная, а дастъ. Такъ по недѣлямъ жили. Потомъ опять дѣдко возьметъ. Жили—пожили да и

роздѣлились. Роздѣлились на 4 семейства. Съ отцѣмъ дилежь то плохой,—котры негодны полишки да пожнишки далъ, да по одной коровишки далъ старшимъ, самъ съ младшима пошелъ—живите, говоритъ, какъ знаете».

Тутъ стали жить-горевать. Миня стали на работу водить. Мни было съ десятокъ лѣтъ. Съ робятами стали брата оставлять. Я всетаки привыкала къ работы, а какъ тата съ мамой на работы спать лягутъ—миня попляють ягодъ сберать. Я гди хожу—все пѣсни, все пѣсни; безъ пѣсень нигдѣ; хотъ выбьютъ меня, я все ровно пѣсни пою; и у люльки, и овинъ молотить, и на зѣроди стоять, и боронить—все пою. Котору пѣсню гдѣ услышала, тую заразъ переняла, другого разу не надо слушать. Заставляли миня и за лошадями ходить. бойкая была верхомъ ѣздить, много разъ летала съ лошадей, голову разбивала.

Мама наша не очень была рукодѣльница, а я сама училась у другихъ къ рукодѣлю й на што только разъ посмотрѣла, либо къ вязки, либо къ шитью, либо къ вышивки—и то мое дѣло, и къ пряжи, и къ тканью тоже само и свое и чужое—все дѣлала.

Какъ раздѣлились то мы—тутъ горе за нами и пошло; лучше бы глупого дѣдка слухать да въ семействѣ жить. Когда стала одна лошадечко да корова, а когда и ни одной. Потомъ по три году кряду, по три весны, вси лежали въ горячки, во хворости, будто мы наняты были. Въ тын же годы червь озимъ ѣлъ. Тата везди кидался: и плотничать, и на вывозку, и въ монастырь (Климецкій) на работу; просить то мы не ходили, а жили очинь худо. Хлѣбъ былъ дорогой—2 рубли пудъ. Жили мы, работали, а въ путь житье не шло, жили, будто на холодну каменку воду лили.

Мой тата съ горя сталъ выпивать и соглася съ мамой не стало, да и не было, все жили—спорили да дрались по праздникамъ, какъ кошка да собака. Только я была евоная дочка любимая, слуга вѣрная. Сполнилось мни о Рожеcъви 16 лѣтъ. Тата нашъ поѣхалъ за рыбой, затѣялъ торговать, да попути и на свадьбу къ Л—ву; миня сталъ звать. Я не поѣхала—не было хорошей одежи—пальта. Тата уѣхалъ. Свадьба богата была. Вина всимъ вдоволь. Пили кружками съ бочки сороковки и тата выпилъ изрядво; поставовить его было некому. Были на свадьбы права взяты, чтобы взыску у начальства съ хозяина не было, если кто заньется, только чтобы про пьяницъ вытоплены были байны и ригачи. Кого некому было домой взять, тыхъ пьяницъ которыхъ несли, которыхъ волокли—заперали въ ригачи и въ байны и подпирали двири, пока не похмѣлядце. А тату не заперли въ байну, клали его въ сани свезли къ свату, отливали водой да мокрого по морозу и отиравили на дорогу домой за волость. Тутъ онъ и замерзъ: его пьяного сбилъ подъ дорогу сусѣдъ. (См. причеть №).

Если бы былъ у миня умъ, мнѣ бы надо было ѣхать съ татой, хотъ въ рибушахъ, поберець бы его. Да я тогда дѣвѣчить начала, объ нарядахъ больше думала... Потомъ слѣдствие пріѣхало, натомили тату и похоронили, сказали, будто бы сердце сожгало отъ вина. Остались мы бѣдными горюши; денегъ не было, была только лошадка да коровушка. Брату было 14 годовъ, да трое маленькихъ. Хлѣба у насъ хватило до весны. Стали мы съ братомъ въ лѣсъ

ѣздить за сѣномъ, за дровами, за хвоей, все работать-кресьяновать. Гдѣ я не работала, а по межговѣньямъ—мясоѣдамъ по лѣсу протяжливыя пѣсни пѣла, всяки-какая на умъ придетъ, а въ посты и божественныя молитвы (Отче, Царю небесному, и стихи, и) причити, и старины крычала по лѣсу. Сусѣды говорили: «ты бы хотѣ скромная въ лѣсахъ ѣздила: всегда ты кричишь». А я говорю: «а, когда съ виселья, а когда кручину розгоняю. Не дивуйте ужъ мнѣ». Весна пришла—хлѣбъ кончилсѣ. Тутъ я пошла въ монастырь работать, на хлѣбъ денегъ наживать. Въ тую пору были Фернуковски заготовки дровяныя въ Климицяхъ. То въ монастыри на поляхъ работаю, то на судахъ дрова хожу укладывать, то на биржи костры перекладую да пилю съ дядей. Тутъ же на недѣлю домой вернусь пореботать, объ нарядахъ ужъ не думала; только бы робять по міру не пустить, на хлѣбъ нажить да подати заплатить. Тое лѣто прожили до осени, рожь запахали и овесъ и сѣно подкосили. По осени мама сдумала брата въ Питеръ отправить, брату ужъ пошелъ 15-й годъ. Братъ то въ Питеръ не охотитъ, а мама своеисильствомъ отправила, «пускай, горорить, чужіи люди поучать, какъ миня не слушаетъ»; а братъ на отъѣздѣ и сказалъ мамы: «ну, моего хлѣба не дожидай, какъ насильствомъ отправила». И отправили мы его въ Питеръ съ запольнымъ сусѣдомъ. Сусѣдъ набралъ въ кибитку 4 мальчиковъ и повезъ въ Питеръ на мѣсто приставить. Въ Питери братъ поступилъ къ земляку своему въ ученье на 4 года, столярному ремеслу учище. А мы остались съ мамой дома кресьяновать да робятокъ растить.

Кому добро дома, тому добро и въ гостяхъ. Возьмутъ миня въ гости, а я за—работницу. И я овины хожу молотить, и за сѣномъ ѣздить и на мельницу, и избу мыть, и къ коровамъ ходить, и за водой; не работать—миня бы и въ гости нѣ взяли. Ну, конечно, родня мнѣ и помогала: и одежду поносить давали. Въ славы я сперва послѣ отца была въ хорошей, женихи на миня глаза драли да зубъ вострили. Инной съ города (Петрозаводска) мастеровой пошелъ сватать, безъ одежи (приданого) хотѣлъ взять, да заблудилсѣ, по лѣсу два дня ходилъ, не могъ въ нашу деревню попасть. Инной старой вдовецъ прикащикъ въ монастырѣ замужъ подманивалъ, да не пошла за старого. «Мни ище робять матерныхъ надо подростить, да полей не запустить, да чтобы податей не наскопилось много къ братному приѣзду»—и тому отказала. Сказала ище, што не пойду за старого, а за ровню пойду, поспѣю замужъ; хорошей не придетъ, а суженой бѣдной некуда уйдесть. Тутъ одинъ охотилъ замужъ взять, отецъ богатой не далъ ему воли: «даютъ, говоритъ, за тебя не въ такомъ доми, не сероту». Да и я сама не очинь обожала его; толко пришли бы сватать—родня бы на силу спихала за богатого. Звалъ онъ миня все къ винцю тихонько, крадучись, да я сказала: «повинчаемсе мы, а отецъ въ домъ не спуститъ, куды мы пойдемъ шатацце? Бери съ Богомъ богатую, а для миня—выду не выду—дѣвочей монастырь не строище». Я не пошла и женихъ не на комъ больше не женилсѣ.

Такъ я жила до 23-хъ годовъ въ дѣвушкахъ. Ходила работать на суда и въ монастырь не для нарядовъ, а все на хлѣбъ да на подати. Одежды у миня не было, да я не думала того, что ни не было на умѣ.

а я все веселилась, все пѣсни пѣла да шутила, на свадьбахъ больше; много разъ «невѣсту въ байну звала», а «такъ» не причитывала. И пустой славы про миня ужъ пошло много, женихи стали брезговать, отбѣгать. Тутъ нашелся одинъ, пріѣхаль въ монастырь съ турецкого походу билетной салдатъ; пріѣхаль по обвѣщанію, не очинь здоровой. Какъ увидаль миня на биржи, давай ухаживать, да хвастать пустое, будто домъ у него богатой на родины. Вышла за него, пріѣхали мы въ «городъ» (Петрозаводскъ), у мужа нѣту ни дому ни лому.

У мужниного брата все помѣстье произведено—домъ отцевской проданъ безъ братниного согласья и земля на 12 лѣтъ заложена—бумага сдѣлана, и сто руб. казенного недоимку. Мни въ городи страшно было пристать жить, потому—городского ничего не умѣла—ни говорить, ни городской работы. Розговоръ былъ у миня совсимъ заонежской, все—«цѣго», «чаго», да «откуль прішелъ»—«камедь только! Стала я звать мужа въ его деревню, на Половину, въ Шуйскую волость. Мужъ не согласился идти домой на разорено подворье и остались мы въ городи. Я стала ходить по чернымъ работамъ—на жатву, на косьбу, на покось, а мужъ извозничаль да фонари зимами зажигаль. Лѣти у насъ пошли, глядѣла за ними «придана» моя сестра маленька. Сестру съ мамой выгнать съ дому братъ, какъ съ Питера пріѣхаль. Выстоялъ на слови, которо говорилъ, какъ въ Питерь отправляли. Съ той поры сестра около миня доростала, а мама все по подворьямъ ходитъ и сыновнего кусочка не видаеть. Да и мни то!.. Видно «кому какъ съ люльки, тому такъ и до могилки». Какое дѣвочье житье было, тако и замужесьво. Поплакала я въ этомъ замужесьви. Писни то мни на умъ нѣ шли. Такъ думала, што надо типерь вѣкъ шатацце, не дому, ни лому, ни мила живота не будетъ. Объ сибѣ то забота да и объ сестры: ни дай Богъ быть нагой, какъ я была дѣвушкой. Мужъ мой трезвой смирной былъ, а водки любилъ выпивать часто и изрядно и въ трахтирь похажилъ на биліярти играть, и въ косточки, и въ карты. Искать не любилъ ходить; «если мѣшаеть голова на плечахъ, дакъ ходи» говорить.

Я ходила по мытьямъ, по стиркамъ, думала деньги запасать, въ свою деревню распоселище жить, да заболѣла и 3 года безъ ногъ была. Тутъ то я призорилась, деньги посдержала. Сестра въ людяхъ стала жить, наряды справлять; я ей пособляла и замужъ выдала.

Дитей у миня было 7 человекъ. Которого подрошу до 2-хъ, которого до 3-хъ годовъ, тотъ и умереть. Сыновей жалъчае было, чимъ дочекъ. По сыновамъ то причитывала, а по дочкамъ не крычала. Такъ мы и жили 8 лѣтъ въ Петрозаводскомъ.

Послѣдней годъ мужъ былъ кучеромъ у лѣсничего, жилъ по контракту 5 руб. въ мѣсяцъ на своемъ хлѣбѣ. Потомъ лѣсничей опредѣлилъ мужа въ Симозерско лѣсничесьво лѣсникомъ. Надо было выучить мужу наказъ лѣсника, а то съ мѣста долой. Мужъ не могъ затвердить никакъ. Я ужъ затвердила и лѣсничему наказъ за мужа прочитала. Лѣсничей мни «выкинулъ» цѣлковой съ мужного жалованья! Жили мы въ Корелы 12 лѣтъ. Завели мы хозяйство и ловушки; хозяйство было порядочно: скота доходило до 8 штукъ. Обвѣзчики

насть притѣсняли, какъ чужестранныхъ, а лѣсничей сперва за насть горой стоялъ. Послѣдній 5 годовъ жили мы въ казенной дачи, въ Кивасъ—озери, въ Корелы. Раздѣляли мы вновь покосы и поле. Роботали все двоима за одве жалованье, какъ каторжны.

Потомъ какимъ то способомъ Вохтозерской учитель К. И. Д—въ, какъ былъ въ городи, проговорился на счетъ моихъ старинъ съ начальсьвомъ и по письму вызвалъ миня пѣтъ въ городъ передъ начальствомъ. Пѣла я въ чайной передъ начальствомъ въ три перемѣны, пѣсни да старины, пѣла съ вечера и почти до утренней зари. Добрыню и др. старины пропѣла до конца.

А раньше этого я пѣла въ Корелы, въ Вохтозерскомъ училищи, какъ былъ проѣздомъ тутъ инспекторъ народныхъ училищъ, М. Н. Правдинъ. Пѣла я старины да пѣсни. Инспекторъ не велѣлъ мнѣ отказываться, на случай если вызовутъ миня пѣтъ въ городъ. Лѣсничей, какъ дошли до него слыхи, прѣхалъ и выругалъ меня: зачѣмъ ѣхала безъ согласья пѣтъ? А мужу сказалъ: «Дуракъ! Зачѣмъ ты спустил жону кт. калѣчьей должности привыкать! Такъ и знайте, теперь у меня вамъ не житье и не мѣсто»!

Зимой мы и выѣхали съ Корелы въ городъ.

Въ прошломъ году Н. Богданова похоронила мужа и теперь живетъ въ богадѣльнѣ.
